

ФУНКЦИИ РУССКОГО «Я» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Насколько можно судить по литературе, вопрос об употреблении — неупотреблении в речи русского местоимения первого лица имел, по сути, два решения.

Согласно первому из них, употребление я в русском языке является нормой. Таковы, например, выводы скандинавской исследовательницы Б. Нильссон, описавшей функции эксплицитного местоимения в польских и русских высказываниях [Nilsson 1982]. Автор считает, что эксплицитный местоименный субъект — это «нормальная ситуация» русского языка, тогда как для польского «нормален» нулевой субъект, поскольку польский глагол «обеспечивает необходимую информацию для идентификации субъекта» [Nilsson 1982: 34–37]. Таким образом, современные языки Европы как будто можно разделить на языки с обязательно выраженным местоимением первого лица и языки, где эта обязательность не предполагается. Таковы, в отличие от русского, языки типа польского, испанского, итальянского, где местоимение, как правило, опускают (или не вводят) в нейтральной речи. См. польские примеры: *stuham; jestem dzennikarzem; nie pamiętam, gdzie ona mieszka*. Однако (и на это обратим внимание для нужд дальнейшего изложения!) при противопоставлении и подчеркивании местоимение возникает также и в польском: *A ja od wczoraj tam urlop; ja również jestem dzennikarzem*. (См. это же положение и для испанского: «Личное местоимение в функции подлежащего обычно опускается, если нет противопоставления» [Васильева-Шведе 1948: 530].) Аналогичную ситуацию отмечает для польского и Б. Нильссон: эксплицитные местоимения характеризуют конструкции противопо-

поставительные (adversative constructions), даже и при отсутствии соответствующих союзов [Nilsson 1982: 54].

К языкам с обязательным местоимением «слева» принадлежат английский, французский и др.

Но все же русский язык в этом отношении представляет для исследователя некоторую загадку, поскольку всякий русский может сказать:

— Я решил поехать в Конго! — Почему? — Люблю Африку!

и

— Я решил поехать в Конго. — Почему? — Я люблю Африку.

Тогда можно было бы говорить о втором решении: это различие стилистическое, оттенки смысла почти неуловимы, здесь имеется ситуация «свободного выбора».

Выше читателю предлагалась концепция Ж. Брейяра и И. Фужерон о мотивах употребления/неупотребления я в русском тексте. К этой концепции мы полностью присоединяемся. Исследования Ж. Брейяра и И. Фужерон показали, что существует определенная иерархия предпочтений ситуаций «с местоимением и без». Это соответствовало общей концептуальной установке, проходящей через данную монографию, а именно — там, где предполагают «свободный выбор», существуют на самом деле скрытые категории.

1) так, я всегда ставится в предложениях с противопоставлением, вводимым через *а*, так что практически как бы возникает слитный комплекс *ая*, который орфография, правда, не допускает. См. *Говорите с моим отцом сами, а я не стану* (А. П. Чехов). Ср. **Говорите с моим отцом сами, а не стану*. Такой комплекс может быть и дистантным. Например, *Прогуляемся по течению верст пять-шесть, потом я останусь, а вы вернетесь* (Домбровский). Здесь дистантное противопоставление представлено в одном высказывании. Оно может быть и в двух простых: *Ведро твое в кухне стоит — я в нем не мою. А Панька моет* (И. Грекова). Говоря шире, я употребляется при наличии противопоставления, хотя бы

выраженного и не через *а*, вообще — любого эксплицитного противопоставления. Противопоставление может быть достаточно развернутым: *...Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура (А. П. Чехов).*

2) Я употребляется при наличии внутри высказывания других местоимений¹. *Но я хотела, чтобы он, отбывая наказание, знал, что я его жду, что он мне нужен (А. Маринина).*

3) Наличие я может быть вызвано переменной топика. Так, Треплев в «Чайке» после развернутого монолога о кризисе искусства и одновременной критики матери-актрисы говорит: *Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно (Смотрит на часы). Я люблю мать, сильно люблю, но она ведет бесполовую жизнь... (А. П. Чехов).* Здесь введение я демонстрирует несогласие с возможным выводом дяди (Сорина) о том, что Треплев просто не любит мать.

4) Напротив, существуют коммуникативные штампы, в основном публично-этикетного характера, когда я как раз не употребляется. Например: *Объявляю заседание открытым; Прошу разойтись; Стреляю; Считаю выборы не состоявшимися* и под. В этих случаях подобные реплики обычно принадлежат Начальнику (Председателю) или другому «облеченному» лицу. *Слушаю вас, — важно заметил мэтр неожиданно высоким тенорком (А. Маринина).*

¹ Интересно, что для старославянских текстов В. С. Ефимова подобных случаев не отмечает [Ефимова 2002], тогда как употребление местоимения при *а* и/или противопоставлении в них практически обязательно. Это значит, что в диапазоне употребления я есть устоявшиеся семантические универсалии, требующие обязательного воплощения, и грамматикализованные — возможно, в каждом языке индивидуально — поверхностно-синтаксические комбинации.

Последний пример подводит нас к интерпретации тех случаев, когда выбор возможен. Анализ русских высказываний с *я* и без *я*, рассмотренных в их связи с предыдущим контекстом, как явным, так и имплицированным (см. выше работу И. Фужерон и Ж. Брейяра), показал, что содержательной категорией, определяющей употребление личного местоимения, является **согласие/ несогласие с горизонтом ожидания Другого**. Этим Другим в принципе может быть и сам коммуникант. *Люблю хороший чай!* — восклицает человек, приступая к чаепитию. Это он говорил уже не раз (возможно, и самому себе). *Я люблю хороший чай* может сказать он же, объясняя гостю, почему чай заваривается так долго². В самых простых диалогах на вопрос *Ну, ты идешь?* возможен ответ *Иду-иду*, т. е. *конечно, иду*, или *Я иду* (возможно, с некоторой раздраженной интонацией: *ты думаешь, что я копаюсь, а я иду*).

Ориентация на горизонт ожидания собеседника связана не только с подтверждением/неподтверждением его мнения (ожидания), но и, естественно, с введением в коммуникацию принципиально **нового** по информации сообщения³.

² Метатеоретическим подкреплением этого положения можно считать интересные в теоретическом плане данные И. Хельмбрехта [Helmbrecht 1998] о принципиальной противопоставленности 1-го лица остальным лицам. Эту изначальную противопоставленность он прослеживает на материале самых различных «экзотических» языков современности. Важно и то, что он подчеркивает «идиорефлексию» говорящего: «Только говорящий сам знает все о себе и может не сомневаться в своих ощущениях и реакциях» [Там же: 295]. Диахронические данные — в частности, как показывает И. Хельмбрехт, то, что категория рода связывается с 1 лицом не первоначально, ибо говорящий сам знает, какого он пола, снимают частые возражения лингвистов «парадигматической ориентации» о том, что все 3 лица нужно описать в их дискурсивной установке как единую модель.

³ Именно поэтому существенно наблюдение В. С. Ефимовой [Ефимова 2002: 3–7] о том, что в евангельских текстах с **азъ** начинаются реплики Христа, несущего **новую** весть; так же с **азъ** вводятся реплики самоидентификации, столь характерные для евангельских текстов.

Поэтому абсолютно инициальное сообщение — начало романа или повести, например, часто начинается с Я-конструкции.

2. В главе первой в связи с этимологией и индоевропейской перспективой сочинительных союзов *a*, *и*, но говорилось о партикулах как основных минимальных единицах, из которых — на определенном этапе — порождались все лексемы славянского (и индоевропейского) коммуникативного фонда.

Союзы описывались как примарные единицы, неразложимые далее и имеющие зоны самостоятельного функционирования в языке.

Какое же к этому отношение может иметь русское односложное *я*, представляющееся неразложимым местоимением первого лица единственного числа? Обратимся прежде всего к Этимологическим словарям.

Наиболее подробно различные взгляды на этимологию и языковые связи славянского местоимения первого лица приводятся в «Этимологическом словаре славянских языков. Грамматические показатели и местоимения» (в дальнейшем — *Etim. slov.*), в статье *AZЪ* [*Etim. slov.* 1980: 73–78]. Прежде всего, в этой статье сообщается об особом положении первого лица местоимений практически в большинстве языков — эта форма отличается супплетивностью (это не только языки индоевропейские, но и лакский, монгольский, уррофинские и др.).

Ближайшие параллели для славянской формы — лит. *aš*, ст.-прусск. *as*, более далекие — греч. *ἐγώ*, лат. *egō*, готск. *ik*, арм. *es*, авест. *azət*, др.-инд. *aḥam*.

Для каждой из сегментных составляющих слова *азъ* приводятся точки зрения исследователей, кстати, как правило, противоречащие друг другу. Так, древнейшей считается у одних лингвистов форма **jazъ*, у которой в дальнейшем инициальное *j* отпало и появилась форма *азъ*. Доказательством этого считается сохранение именно такой формы в большинстве славянских языков. Этой концепции придерживались: Фортунатов, Вондрак, Кнутсон, Бернекер, Преображенский, Брюкнер, Славский, Фасмер, Махек.

Существует и другая точка зрения (ее приверженцы не названы), по которой древнейшей формой была *azъ*, а *j* выполнял позднейшую функцию протезы.

Утрату конечного *-zъ* некоторые приписывают влиянию формы второго лица — *ty*, не имеющей по реконструкции консонантного исхода (Бернекер, Шмидт, Вакернагель-Дебруннер).

Сложной проблемой для этимологов оказалась реконструктивная интерпретация начального *a*. Одно из объяснений: *jazъ* < *jezъ* < *ezъ* < **egh-* (Шляков, Соболевский, Ягич, Фортунатов, Вондрак). Есть и концепция, по которой *ja* < **eg-* (в Мариинском Евангелии есть и форма **ѣзъ**). Предполагалось, что *i* + *azъ* могло дать *jaz*. Инициальное *e* соотносено рядом лингвистов и с реконструкцией не только славянских данных: хеттск. *ug/uk* < **ogh-*.

Конечное *ъ* в славянском и *-m* (*-om*) в языках родства объяснялось через добавленность *-om* как частицы (значение которой нельзя определить).

Более общую схему предложил Эрхарт [Etim. slov.: 77], возводя эту форму к двум исходным: *H'A—GA/HA—GA*.

О двукомпонентности реконструируемой формы писали, кроме Эрхарта, судя по статье в Etim. slov., и другие лингвисты (Торп, Бругманн, Тромбетти, Шпехт). Так, в инициальном вокалическом компоненте видели дейктическо-прономинальный элемент (элемент того же качества находят перед *m-n-* формой местоимения первого лица и в угрофинских языках). Вторая часть слова интерпретируется так же, как дейктическая частица, близкая, например, др.-инд. *gha/ha*, греч. *γε* (такой *g*-овый элемент также находит соответствие в угрофинских формах местоимения).

Хотя общепризнанной для употребления этой полной формы является **семантика противопоставленности**, возможность возникновения инициального *a* (или, напротив, введения йотированной протезы) из-за контактности с противопоставительным союзом *a*, в Etim. slov. категорически отрицается.

Несколько иная интерпретация славянского местоимения первого лица представлена в «Этимологическом сло-

варе славянских языков» (в дальнейшем — ЭССЯ). В ЭССЯ прежде всего говорится о факте «несомненно эмфатического употребления и.-е. *egom» (то есть я, — Т. Н.) [ЭССЯ, вып. 1: 101], что не позволяет никак (такие идеи были) приписывать ему древнее влияние со стороны личных форм глагола. Как показывает этимологический анализ, согласно ЭССЯ [ЭССЯ вып. 1: 100–103] Я [ja] соотносится с аналогичной формой (идентичной?) во всех славянских языках: ст.-слав. азъ, болг. аз, мак. јас, чеш. ја и т. д. Оно связано и с др.-инд. аham, авест. azət, арм. es, лат. egō, греч. ἐγώ, лит. аš и т. д. Односложную форму русского ја Р. Якобсон (цит. по этой статье) объяснял как моносиллабический вариант двусложного jazъ.

Судя по статье в ЭССЯ, актуальными проблемами для интерпретации этой формы являются: сведение воедино функционально инициального е и а, реконструкция консонанта: eg или eg(h), а также возникновение начального j (или его исчезновение; см. об этом выше в связи со статьёй в Etim. slov.). Последний пункт тоже очень интересен. В указанной статье в ЭССЯ О. Н. Трубачев полагает, в отличие от позиции в Etim. slov., что j как вставка возникло именно, чтобы избежать зияния, так как очень частой в речи была конструкция с а (см. современные русские примеры) и тогда было бы $a+a > aa$.

Однако возможно предположить, что *j- восходит здесь к релятивному форманту, соединяющему части высказывания⁴. Важное дополнение по этому поводу находим в статье К. Г. Красухина [Красухин 2001]. См. у него: «Частица o/jo, стоявшая в начале предложения (колона) в критомикенских текстах, обладала сильным фразовым ударением. Это не морфема генитива, а частица, функционально подобная *de, т. е. выражающая **противопоставление предшествующей конструкции** (выделено мною. — Т. Н.) и направленность на последнее сообщение» [Красухин 2001: 129].

⁴ Так, еще Я. Гонда говорил о том, что относительное местоимение *jo имело и чисто разделительный характер [Gonda 1954–55: 1].

В целом же О. Н. Трубачев склоняется к идее метатезы: *jъza < *azъ, объясняющей происхождение этой формы.

Но более существенно для нашей работы его утверждение о том, что я возникло как свернутое во времени выражение-оборот: *egom < *e + go + me 'вот я' ('It is me'). Итак, я в первоначальном употреблении — это «вынесенный вперед катафорический местоименный комплекс + он +я». Интересно, что подобное выражение, сходное по семантической структуре, но не идентичное лексически, а именно: вот он(а) я; я вот он(а) и сейчас используется русскими как реплика-ответ на вопрос А где X?, хотя у школьников подобный ответ, как правило, пресекается.

О. Семереньи [Семереньи 1980: 231], рассматривая корреляцию начального *egō/eg(h)om/*-em-/*-m-, пришел к выводу, что личным окончанием глагола было именно -m-, а не -eg(h)-, так как -m- было более ранним. Он пишет: «Следовательно, значащим элементом в номинативе является не *eg(h)-, а -om-; *eg(h)- — это элемент, который в качестве префикса присоединялся к местоимению *em-» [Там же]. Действительно, многие категориальные формы, связанные с 1 лицом, имеют в составе прежде всего -m-, например м-ой.

Совершенно новая гипотеза была выдвинута В. Н. Топоровым ([Топоров 1992] и более поздние его работы). Обращаясь к этой форме, реконструируемой им как *eg'hom, он пишет: «и.-е. eg'hom, как бы его ни членить <...>, состоит более чем из одного элемента, из двух по крайней мере» [Топоров 1992: 131]. Соглашаясь с тем, что первым элементом является дейктический элемент (*e-, *H'e-, *H'ei-, *H'i и т. п.), а вторым — усилительная частица (*-g'h-, *-gh-), он основное внимание уделяет последнему элементу с -m-, развивая далее идею совместного существования в синтагматике этой указанной формы и формы *men-, которое выступает в родительном падеже и обычно трактуется как супплетивное образование для косвенных падежей местоимения 1 лица. Это *men в свою очередь соотносится В. Н. Топоровым с корнем «общементального» значения, «тонкой духовной субстанции» (противопоставленном ты, соотносимом с субстанцией более

грубой). Тем самым, по концепции В. Н. Топорова, сначала, в виде интродукции, вводится 'вот моя здешность', то есть *вот я*, а затем это я поясняется через **ten-*, то есть я атрибуируется. Таким образом, здесь вводятся две важных идеи: 1) первичная форма 'Я' представлена комбинацией **eg'h* + *ten*; *ten в именительном падеже было идентично (или не различалось) с формой родительного падежа, как часто было в индоевропейском имени; 2) именно **ten-* и образовывало базу местоимения первого лица.

Очень интересно, что с выводами В. Н. Топорова можно соотнести недавние наблюдения Г. А. Золотовой [Золотова 2000] о том, что в русском *Мне хочется* (которое рассматривается ею в противопоставлении с *Хочется*) *мне* является полноценным субъектом высказывания, но выражающим не активное действие, а «инволютивную маркированность» [Золотова 2000]. Более того, утверждения Г. А. Золотовой в свою очередь интересно сравнить со специальной работой, где прослеживается социолингвистическая история двух конструкций *I think* и *Methinks* [Palander-Colin 1998] в среднеанглийском и на раннем этапе современного английского. Автор приходит к выводу, что *I think* как более категорическое высказывание свойственно «элитарным» слоям населения, а более колеблющееся по решительности *Methinks* употребляли в основном купцы и более низкие слои. То есть эти выводы полностью совпадают с положениями Г. А. Золотовой о волютивной и инволютивной маркированности.

То, что «на самом деле» первому лицу и.-е. парадигмы соответствует именно *m*-форма, вытекает из довольно сложного построения, предлагаемого Б. Бичакжаном в связи с общей идеей возможных внутренних языковых конфликтов в рамках общей эволюционной линии [Bichakjian 2002: 191]. А именно:

You and I will go with John;
John will go with you and me.

Форма *I* обычно сочетается с последующим глаголом: *I work*; *I will go* etc. Но *You and I* — это целое сочетание. Оно тогда приравняется дистрибуционно к *you*

and me. И получается: *and me = with me*. Отсюда возникает исправляемое педагогами: *You and me will go with John*. Важно здесь, что Б. Бичакжан рассматривает *I*, скорее, как поздний заместитель подлинно первого лица, ориентированного на *m*-форму.

Однако и до сих пор общепринятым является положение о «супплетивности» склонения местоимения 1-го лица, когда эта форма **men/man* считается принадлежащей только генитиву. См. у Д. И. Эдельман: «Такие (поссесивные. — Т. Н.) конструкции строились по модели оборотов, зафиксированных в древнеперсидском: **ima...mana//mai kartam (asti)* ‘это сделанное у меня есть’». Здесь, по мнению автора, логический субъект выражен генитивом местоимения 1 лица — *mana*. [Эдельман 2001].

Но для нас существенно наличествующее практически во всех последних указанных работах утверждение о «композиционном устройстве» нашего я, которое — первоначально — подчеркивало активное объявление «сиюминутности» и актуальности делаемого заявления. С этим сопоставляется и анализируемая К. Шилдсом [Shields 1998] первоначальная структура другой и.-е. формы «я», восходящей к хеттскому *UK* и затем продолженной в германских языках, многое в местоименных формах которых К. Шилдс считает реликтовыми. Форму *UK* К. Шилдс объясняет как контаминацию уже «ослабленного» первоначального дейксиса (дейктической частицы) **i* с дейктической частицей **k(e/o)*, «обладающей значением ‘here and now’» [Shields 1998: 46]. То есть это тоже такая же первоначально композиционная форма, с тем же самым значением, что и форма я.

Тем самым я хочу подчеркнуть идею, что высказывание с я при глаголе как бы «помнит» первоначальную давнюю функцию я быть интродуктивным компонентом, вводящим новое, не присоединяющееся к предыдущему и — благодаря этому — часто ему противопоставленное высказывание, что в настоящее время для слова «я» никак не фиксируется и нигде об этом в нормативных грамматиках не сообщается.

Итак, древняя история местоимения я как свернутого комплекса партикул интродуктивной для высказывания

актуализирующей семантики объясняет или подтверждает ситуацию псевдосвободы выбора этих форм в современном русском языке. То есть именно таково «подтверждающее» значение фраз *Люблю грозу в начале мая* (Да, я люблю...) или *Люблю тебя, Петра творенье*. Напротив, начинающий с местоимения С. Есенин предполагает, что кто-то может не любить Москву, его город, и сам понимает, почему: *хоть обрюзг он и обдряб*, но настаивает: *Я люблю этот город вязевый*.

Люблю хороший чай! — восклицает человек, приступая к чаепитию. Это он говорил уже не раз (возможно, и самому себе). *Я люблю хороший чай* может сказать он же, объясняя гостю, почему чай заваривается так долго.

Таким образом, русский язык сохраняет восходящее к индоевропейской древности противопоставление высказываний с интродуктивным партикулярным комплексом, не присоединяющимся к предыдущему (то есть — со значением нового, актуального, противопоставленного), и высказываний, следующих за предыдущим контекстом, синсемантических текстуально.